

Й. Рамачарака

Религии и тайные учения Востока

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87

Й. Рамачарака

Религии и тайные учения Востока / Й. Рамачарака – М.: Книга по Требованию, 2024. – 152 с.

ISBN 978-5-458-15837-4

Книга йога Рамачарака (псевдоним американского писателя Вильяма Аткинсона).

ISBN 978-5-458-15837-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧТЕНИЕ I..	5
СТРАНА ГАНГА..	5
ОСОБОЕ ПОСЛАНИЕ (I)	14
ЙОГА РАМАЧАРАКИ.	14
ЧТЕНИЕ II.	15
ВНУТРЕННИЯ УЧЕНИЯ.	15
ОСОБОЕ ПОСЛАНИЕ II	26
ЙОГА РАМАЧАРАКИ.	26
ЧТЕНИЕ III.	27
СИСТЕМА САНКЪЯ.	27
ОСОБОЕ ПОСЛАНИЕ III.	38
ЙОГА РАМАЧАРАКИ.	38
ЧТЕНИЕ IV.	39
СИСТЕМА ВЕДАНТА.	39
ОСОБОЕ ПОСЛАНИЕ IV.	51
ЙОГА РАМАЧАРАКИ.	51
ЧТЕНИЕ V.	51
СИСТЕМА ЙОГА ПАТАНДЖАЛИ.	51
ОСОБОЕ ПОСЛАНИЕ V.	63
ЙОГА РАМАЧАРАКИ.	63
ЧТЕНИЕ ШЕСТОЕ.	64
ВТОРОСТЕПЕННЫЯ СИСТЕМЫ.	64
СИСТЕМА ВАЙШЕШИКА	65
СИСТЕМА ПУРВА МИМАНСА.	68
СИСТЕМА НІАЙЯ.	73
СМЪШАННЫЯ СИСТЕМЫ.	74
СИСТЕМЫ АГНОСТИЧЕСКІЯ И МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКІЯ.	75
ЧАРВАКАСЪ.	75
ОСОБОЕ ПОСЛАНИЕ VI.	76

Іога Рамачараки.	76
ЧТЕНІЕ VII.	77
Буддизмъ.	77
ОСОБОЕ ПОСЛАНИЕ VII.	88
Іога Рамачараки.	88
ЧТЕНІЕ VIII.	89
Суфизмъ.	89
ОСОБОЕ ПОСЛАНИЕ VIII.	101
Іога Рамачараки.	101
ЧТЕНІЕ IX.	102
Религіи Индіи.	102
ОСОБОЕ ПОСЛАНИЕ IX.	112
Іога Рамачараки.	112
ЧТЕНІЕ X.	113
Религіи Индіи.	113
Вайшnavы.	115
Аватаръ въ лицѣ Рамы.	116
Аватаръ въ лицѣ Кришны.	117
Шайвы.	118
Шактіи.	122
Сикхи.	123
Джаины.	123
Секты теистовъ.	124
Рамакришна	124
Индусскія священные изображенія.	124
ОСОБОЕ ПОСЛАНИЕ X.	125
Іога Рамачараки.	125
ЧТЕНІЕ XI.	126
Чудеса индусскихъ факировъ.	126
ОСОБОЕ ПОСЛАНИЕ XI.	136
Іога Рамачараки.	136
ЧТЕНІЕ XII.	137
Веды и Словарь.	137
Веды.	137
Браманасъ.	138
Упанишады.	139
Объясненіе индусскихъ терминовъ.	140
СЛОВАРЬ.	140
ОСОБОЕ ПОСЛАНИЕ XII.	148
Іога Рамачараки.	148

ЧТЕНИЕ I.

СТРАНА ГАНГА.

Индія,—страна Ганга, родина санскрита, коренного языка міра, мать всѣхъ религій и всей философіи міра—двадцатое столѣтіе и западный міръ привѣтствуютъ тебя! Изъ индійскихъ источниковъ вышли всѣ языки міра, на которыхъ люди выражали и выражаютъ свои мысли. Въ Индіи возникли всѣ словесные символы, которые сдѣлали возможнымъ серьезное мышление и выражение глубокихъ мыслей, недоступныхъ для обыкновенной рѣчи. Отъ мыслителей и учителей Индіи пришли къ намъ коренныя идеи, изъ которыхъ выросли всѣ религіи и философскія системы. Всѣ философскія понятія и религіозныя истины, которыя одушевляли и вдохновляли людей въ теченіе тысячелѣтій извѣстной намъ исторіи, можно прослѣдить до ихъ источника, берущаго свое начало въ Индіи. Сотни столѣтій глубокаго мышления о тайнахъ существованія служатъ какъ бы закваской для мышления всего міра. Это—дрожжи, на которыхъ ставится духовный хлѣбъ, дрожжи, которыя поднимаютъ инертную массу матеріализма и такъ измѣняютъ его характеръ, что онъ перестаетъ приносить вредъ человѣку, перестаетъ принижать его духовно.

Исторія Индіи начинается за много столѣтій до нашего времени. Сами индусы утверждаютъ, что, согласно ихъ записямъ и преданіямъ, исторія охватываетъ періодъ въ сто столѣтій, періодъ въ 10.000 лѣтъ, и что ихъ народъ существовалъ даже раньше этого времени; онъ находился послѣдовательно то въ періодѣ возникновенія цивилизаціи, то упадка, такъ сказать, отдыха народовъ, возвращавшихся къ землѣ. За сотни лѣтъ до того, какъ явились первые проблески нашей настоящей цивилизаціи, за сотни лѣтъ до того, какъ была основана наша христіанская религія, за сотни лѣтъ до временъ Авраама, Моисея и начала еврейской религіи, индусскіе учителя философіи создали великія философскія школы. Школы эти раздѣлились при ихъ послѣдователяхъ на отдѣльныя ученія. Главныя направленія дошли до нашего времени. Веды и Упанишады были написаны ранѣе самаго отдаленнаго извѣстнаго намъ историческаго періода и передавались отъ учителей къ ученикамъ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій. Ранѣе сфинксовъ и пирамидъ древняго Египта великіе ученые Индіи уже формулировали свои доктрины и основывали свои школы. И, несомнѣнно, такая древность ученій, указывающая на жизненность доктринъ, сохранившую ихъ живыми и сильными въ теченіе такихъ необозримыхъ періодовъ времени, должна привлечь наше вниманіе и вызвать чувство почтенія и уваженія.

Передовые ученые западнаго міра давно признавали огромную цѣнность и важность работъ индусскихъ мыслителей и философовъ и всегда утверждали, что индусское мышление является фундаментомъ, на которомъ создалась вся западная мысль. И, въ самомъ дѣлѣ, очень трудно найти какое-нибудь теченіе западной философіи, которое не было бы основано на индусской философіи. Даже системы, кажушіяся совершенно оригинальными, сознательно или безсознательно, повторяютъ, въ сущности, основныя истины, высказанныя много столѣтій тому назадъ какимъ-нибудь индусскимъ мыслителемъ. Все возможные системы философіи, съ ихъ соображеніями и размышленіями, понятіями, идеями и теоріями, въ свое время были выдвинуты философами Индіи много столѣтій тому назадъ. Знакомясь съ исторіей индусской философіи, невольно поражаешься способности индусскаго философскаго ума дѣйствовать, какъ тончайшее сито, черезъ которое просѣивается огромное количество мысли, причемъ всякая идея, сколько-нибудь важная и интересная мысль, такъ сказать, отбирается и сохраняется; такимъ путемъ пополнялись старыя философскія системы или создавались новыя. Профессоръ Максъ Мюллеръ и Пауль Дейсенъ утверждаютъ, какъ фактъ, что Индія является

источникомъ всей философской мысли и что въ Ведахъ и Упанишадахъ можно найти образцы всѣхъ философскихъ идей, которыя когда-либо послѣ высказывали западные умы. Такое утвержденіе отнюдь не есть хвастовство индусовъ, желающихъ возвысить въ глазахъ иностранцевъ свою родину. Это говоритъ западный ученый на основаніи изученія первоисточниковъ, приводя самыя строгія доказательства каждаго своего утвержденія.

Викторъ Кузэнъ, французскій философъ, сказалъ: «Когда мы знакомимся съ поэтическими и философскими памятниками Востока, особенно Индіи, свѣдѣнія о которыхъ начинаютъ распространяться въ Европѣ, мы открываемъ тамъ множество истинъ, и истинъ настолько глубокихъ, что въ сравненіи съ ними все, достигнутое европейскимъ геніемъ, кажется бѣднымъ и скуднымъ. И, видя полноту богатствъ Индіи, мы должны склониться передъ философіей Востока и видѣть въ странѣ, называемой колыбелью человѣчества, родину высшей философіи:—Индія содержитъ всю исторію философіи, какъ бы въ упрощенномъ видѣ».

Моньеръ Уильямсъ въ своей извѣстной работѣ объ индусскихъ религіяхъ писалъ: «Если мнѣ позволять такое выраженіе, то я скажу, что индусы были послѣдователями Спинозы болѣе, чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ до жизни этого философа; они были дарвинистами за много столѣтій до Дарвина и эволюционистами за много сотенъ лѣтъ до того времени, когда доктрина эволюціи была принята учеными нашего времени, ранѣе даже, чѣмъ само слово «эволюція» начало существовать на какомъ бы то ни было языкѣ».

Многіе авторы утверждаютъ, что величайшій греческій мыслитель и философъ Пифагоръ получилъ свои знанія отъ индусскихъ учителей во время своего пребыванія въ Индіи; существуютъ легенды, которыя говорятъ, что, возвратясь въ свою родную страну, онъ привезъ съ собой ученыхъ индусскихъ философовъ для того, чтобы греки могли поучиться отъ нихъ непосредственно. Вѣрно или не вѣрно это преданіе, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что жизненность греческой мысли зависитъ отъ индусскаго вліянія. Профессоръ Гопкинсъ писалъ: «Платонъ полонъ положеній и идей школы Санкья, которыя онъ разработалъ, заимствовавъ ихъ отъ Пифагора. *Болѣе чѣмъ за 600 лѣтъ до Р. Х. всѣ религіозныя и философскія идеи Пифагора были уже общеизвѣстны въ Индіи.*—Если бы это былъ одинъ или два факта, то ихъ можно было бы разсматривать, какъ случайное совпаденіе, но этихъ совпаденій слишкомъ много, чтобы ихъ можно было объяснить случайностью ... *Неоплатонизмъ и христіанскій гностицизмъ очень многимъ обязаны Индіи.* Гностическія идеи относительно множественности небесъ и духовныхъ міровъ можно прослѣдить до индусскихъ источниковъ. Душа и свѣтъ считались однимъ и тѣмъ же въ философской системѣ Санкья, гораздо раньше, чѣмъ ихъ стали считать однимъ и тѣмъ же въ Греціи. И соединенію этихъ идей въ одно цѣлое въ Греціи помогли мысли, заимствованныя изъ Индіи. Знаменитыя три гуны системы Санкья являются у гностиковъ тремя классами душъ». Дэвисъ говоритъ: «Философская система Капила есть видоизмѣненіе системы философіи, которую можно видѣть въ исторіи человѣчества; это самая первая попытка дать отвѣтъ при помощи одного лишь разума на таинственные вопросы, возникающіе въ каждомъ мыслящемъ умѣ относительно происхожденія міра, природы и отношеній человѣка къ его будущей судьбѣ». Тотъ же самый авторъ говоритъ: «Философія Шопэнгауера, Гартмана есть воспроизведеніе философской системы Капила въ ея матеріалистической части, при чемъ эта система представляется намъ только въ болѣе разработанной формѣ, но въ тѣхъ же самыхъ основныхъ чертахъ. Въ этомъ отношеніи *человѣчeskій интеллектъ какъ будто занялъ ту же самую область, которая принадлежала ему уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, тому назадъ.* Но во многихъ важныхъ вопросахъ онъ сдѣлалъ, какъ бы шагъ назадъ. Философія Капила признавала душу человѣка сущностью, образующей его настоящую природу. Это —абсолютъ Фихте, отдѣленный отъ матеріи и безсмертный. Но позднѣйшая философія видитъ въ человѣкѣ только высокое развитіе организма». Гопкинсъ говоритъ: «И Фалесъ, и Парменидъ были какъ будто предусмотрѣны индусскими мудрецами. Вся элейская школа кажется какъ будто отраженіемъ Упанишадъ. Доктрины Апаксимандра и Гераклита были

несомнѣнно извѣстны въ Индіи раньше, чѣмъ онѣ появились въ Греціи». Шлегель писалъ: «Божественное происхожденіе человѣка, какъ о немъ учить Веданта, постоянно внѣдряется въ сознание человѣчества, что бы побудить его возвратиться къ этому источнику, одушевить его въ борьбѣ и заставить смотрѣть на единеніе и общеніе съ Божествомъ, какъ на главную цѣль всякаго дѣйствія. Даже самое высокое изъ философскихъ направленій, идеализмъ, какъ онъ былъ созданъ греческими философами, въ сравненіи со свѣтомъ и силой восточнаго идеализма является только слабой искрой въ сравненіи съ лучами полуденнаго солнца».

О системѣ Веданты индусской философіи Максъ Мюллеръ говоритъ: «Веданта обладаетъ совершенно исключительнымъ характеромъ, исключительнымъ въ сравненіи со всѣми другими философскими системами міра, потому что всѣ остальные системы, прямо или косвенно, находятся подъ ея вліянемъ». Говоря о философскихъ идеяхъ Веданты, основнымъ тезисомъ которой является отрицаніе реальности феноменальнаго міра и утвержденіе реальности только Абсолютнаго Единого, Максъ Мюллеръ говоритъ: «Никто изъ нашихъ философовъ, не исключая отсюда Гераклита, Платона, Канта и Гегеля, не рѣшились бы воздвигнуть такую башню, не пугаясь ни грома, ни молніи. Камень ложится на камень въ правильной послѣдовательности, и человѣку, который разсматриваетъ это зданіе, дѣлается совершенно ясно, что въ началѣ могло быть только Единое и что это же Единое будетъ въ концѣ, какъ бы мы ни назвали его, Атманомъ или Браманомъ». Сэръ Уильямъ Джонсъ сказалъ: «Невозможно читать Веданту или какіе-нибудь хорошо составленные комментаріи къ ней, не чувствуя совершенно ясно, что Пифагоръ и Платонъ заимствовали свои наиболѣе высокія идеи изъ того же самаго источника, изъ котораго черпали эти идеи индускіе философы». Шопэнгауеръ писалъ: «Нѣтъ ничего болѣе возвышеннаго и благодѣтельнаго для человѣчества, чѣмъ изученіе Упанишадъ. Онѣ были утѣшеніемъ въ моей жизни и будутъ утѣшеніемъ въ моей смерти». Пауль Дейсенъ говоритъ: «Богъ, единое начало всего хорошаго въ насъ, не таковъ, какъ его рисуетъ Ветхій Завѣтъ. Это не существо, противоположное намъ и отдѣленное отъ насъ, это есть наша божественная сущность. Это многое другое мы можемъ узнать изъ Упанишадъ, и мы должны изучать ихъ, если мы хотимъ дать нашему міропониманію, изъ какаго бы источника оно ни исходило, тонкій заключительный штрихъ и сдѣлать его полнымъ и согласованнымъ».

Западные читатели, которые захотятъ познакомиться съ религіозными и философскими системами Индіи, окажутся въ очень невыгодномъ положеніи вслѣдствіе своей отдаленности отъ авторитетныхъ учителей. Имъ будетъ очень мѣшать ихъ неспособность различать истинное и ложь, подлинное и поддѣльное, истинное и полуистинное. Они должны пріучаться разбираться въ огромной литературѣ, посвященной Индіи. Можно наполнить цѣлыя библіотеки книгами, относящимися къ Индіи, къ ея религіознымъ и философскимъ системамъ. Очень много сочиненій западныхъ авторовъ написаны только послѣ поверхностнаго знакомства съ предметомъ. Тутъ начинающій знакомится съ такими книгами, въ которыхъ онъ не будетъ въ состояніи примирить встрѣчающіяся въ нихъ противорѣчивыя утвержденія. Онъ увидитъ, что различные авторитеты абсолютно противорѣчатъ одинъ другому, и онъ не будетъ въ состояніи рѣшить, какой же изъ этихъ источниковъ, изъ которыхъ онъ собирается черпать свѣдѣнія, болѣе надеженъ и вѣренъ. Этому совершенно нечего удивляться, если мы вспомнимъ, что большинство западныхъ авторовъ, писавшихъ объ Индіи, получили свои свѣдѣнія не изъ авторитетныхъ источниковъ, а собирали ихъ со всѣхъ сторонъ, при чемъ сами не обладали способностью отличать подлинныя идеи отъ поддѣльныхъ. Это послѣднее особенно трудно, потому что самыя мысли Востока необыкновенно далеки и чужды для западнаго ума, получившаго совсѣмъ другую умственную, религіозную и философскую тренировку. Правда, что существуетъ на Западѣ очень много хорошихъ работъ объ Индіи, но ихъ сильно превышаетъ огромное количество совершенно пустыхъ сочиненій, полныхъ заблужденій, предразсудковъ и предубѣжденій.

Для человѣка, который хочетъ дѣйствительно сознательно и разумно писать

объ индусской философіи или религіи, необходимо выработать въ себѣ симпатію къ индусской душѣ. Нѣтъ надобности вѣрить во все, во что вѣрятъ въ Индіи, и принимать всѣ религіозныя формы; нѣтъ даже необходимости становиться послѣдователемъ индусской философіи; нужно просто обладать умомъ, симпатизирующимъ основнымъ идеямъ и *основнымъ духовнымъ принципамъ* индусской философіи. Въ сущности это необходимо по отношенію къ ученію и вѣрованію всѣхъ народовъ. Представьте себѣ китайца, незнакомаго съ Западомъ и не симпатизирующаго Западу, пытающагося дать правильный очеркъ западныхъ вѣрованій и философскихъ системъ и пр., на основаніи разнообразныхъ и противорѣчивыхъ источниковъ, и тогда вы поймете, какія трудности стоятъ на пути западнаго писателя, который захочетъ писать объ индусскихъ философскихъ системахъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что передъ китайцемъ стояла бы болѣе легкая задача, потому что значительная часть западныхъ мыслей нашла свое выраженіе въ книгахъ и легко поддается извлеченію изъ нихъ. Что же касается индусской философіи, то очень многія идеи ея существовали и существуютъ только въ формѣ словесныхъ ученій или преданій, передающихся изъ устъ въ уста, и изъ намековъ, которые нужно читать между, строками написанныхъ книгъ. Для человѣка, который, дѣйствительно, хочетъ глубоко писать объ индусской мысли, необходимо обладать не только всѣми возможными источниками свѣдѣній, но также и инстинктомъ, который помогаль бы ему различать авторитетныхъ ученыхъ отъ неавторитетныхъ—отъ тѣхъ, ученія которыхъ содержатъ въ себѣ только полуистину. Главное, онъ долженъ обладать индусскимъ духомъ, т. е., онъ долженъ быть способенъ видѣть многія вещи такъ, какъ ихъ видитъ индусъ—и только тогда онъ будетъ въ состояніи находить тѣ великія духовныя мысли, которыя заключены въ различныхъ словахъ, символахъ и изреченіяхъ, и которыя помогаютъ намъ проникнуть въ самое сердце внутреннихъ ученій. Это и есть тотъ ключъ, который отпираетъ двери храма.

Когда мы вспомнимъ, что многія изъ попытокъ западныхъ писателей истолковать индусскія философскія системы принадлежали людямъ, которые жили въ Индіи въ качествѣ христіанскихъ миссіонеровъ, т. е. принадлежали къ тѣмъ, обязанность которыхъ заключалась въ томъ, чтобы дискредитировать туземныя религіи въ глазахъ индусскаго народа, въ надеждѣ привлечь индусовъ къ той вѣрѣ, которую они сами старались распространять,—то станетъ понятнымъ, какъ легко они могли впасть въ заблужденіе. Какъ бы они ни были искренни и честны, и какъ бы они ни старались исполнить свою задачу лучше, они непремѣнно вынуждены были придавать излагаемымъ теоріямъ окраску своей собственной точкой зрѣнія, присущей ихъ профессіи. Миссіонеры по отношенію къ индусской религіи находятся въ положеніи прокуроровъ, обязанныхъ обвинять. Какъ бы они ни старались быть безпристрастными, они все таки, по самому своему существу, обязаны отыскивать слабыя мѣста и наиболѣе уязвимые пункты. Платный повѣренный, усердствующій въ пользу кліента и проникнутый одностороннимъ взглядомъ на дѣло, не станетъ, весьма вѣроятно, на точку зрѣнія истинной справедливости, какъ бы онъ ни былъ честенъ.

И затѣмъ, основное противорѣчіе между главными философскими идеями индусскаго философа и христіанскаго теолога едва ли можетъ быть ясно понятно человѣкомъ, не знакомымъ съ идеями обѣихъ сторонъ. Можно привести такой примѣръ: «Сотвореніе міра» есть основное положеніе христіанскаго теолога; между тѣмъ индусскій философъ не допускаетъ ничего подобнаго. Онъ полагаетъ, что «сотворить»—значитъ *сдѣлать нѣчто изъ ничего*; а эта идея для него совершенно ошибочна и является безусловно немыслимой и безумной съ его точки зрѣнія. Для индусскаго ума *изъ ничего не можетъ выйти ничего*; все, что существуетъ, существуетъ вѣчно; или же оно есть форма, проявленіе, видимость, эманация, или фаза чего-то вѣчнаго. «Чудо» сотворенія чего-то изъ ничего совершенно непонятно и немыслимо для ума индуса; какъ бы усердно ни старался онъ представить себѣ этотъ процессъ, онъ вынужденъ будетъ сознаться въ своемъ безсиліи,—все равно какъ, если бы ему предложили думать, что дважды два не есть четыре, или что кратчайшее

разстояніе между двумя точками не есть прямая, а иная линія. Для него «ничто» — всегда «ни что» и никогда не может сдѣлаться чѣмъ-то, ни божескимъ, ни человѣческимъ усиліемъ.

Затѣмъ для индусскаго ума смертное никоимъ образомъ не можетъ стать безсмертнымъ. *Безсмертное должно всегда быть безсмертнымъ, иначе оно не могло бы стать такимъ.* А потому все, что рождается, должно когда-нибудь умереть; а все, что умираетъ, должно было когда-нибудь родиться. Для него Вѣчность должна существовать по обѣ стороны «теперь», такъ какъ «теперь» есть лишь точка въ Вѣчности. Такимъ образомъ, индусъ не способенъ принять ученія о безсмертіи души, если не допускать ея предварительнаго безсмертія. Онъ не можетъ вообразить себѣ силы, «создающей» душу изъ ничего и надѣляющей ее безсмертіемъ на всю вѣчность. Подобнымъ же образомъ и западный философъ не способенъ думать о томъ, чтобы что-нибудь выходило изъ ничего. Но эта идея не представляетъ никакой трудности для западнаго теолога, который легко рисуется себѣ процессъ «сотворенія» однимъ божественнымъ «да будетъ».

Такимъ образомъ, вы видите, какъ мало миссіонеръ, пишуищій объ индусской религіи, способенъ схватить основныя идеи и точку зрѣнія индуса; мѣшаетъ ему въ этомъ и вся умственная подготовка и дѣло, которое онъ дѣлаетъ. А что вѣрно относительно миссіонера, то одинаково вѣрно и по отношенію къ среднему западному изслѣдователю восточныхъ философскихъ системъ и религіи. Индусъ говоритъ, что тотъ, кто хочетъ овладѣть внутренними ученіями индусской философіи, тотъ *долженъ имѣть «душу индуса»*, хотя бы онъ самъ и принадлежалъ къ другой расѣ или національности. И не мало уже людей на Западѣ, дѣйствительно, имѣютъ «души индусовъ», о чемъ могутъ свидѣтельствовать увеличивающіеся интересъ и симпатіи къ индусской философіи и увеличивающееся проникновеніе въ ея ученія. Индусы, встрѣчая такихъ людей, объясняютъ это теоріею перевоплощенія, говоря: *«Разъ былъ индусомъ и всегда будешь индусомъ»*. Въ какой бы расѣ душа индуса ни воплотилась, сосредоточенная сила древнихъ ученій, неизгладимо запечатлѣвшаяся въ душѣ, даетъ ей склонность къ индусской мысли. Дѣйствительно, индусы утверждаютъ, что души древнихъ индусскихъ учителей, или, вѣрнѣе, нѣкоторыхъ изъ нихъ, воплощаются нынѣ на Западѣ для того, чтобы вести новые народы къ познанію истины, и ихъ первыми учениками являются люди съ душами индусовъ, воплотившимися на Западѣ.

Существуетъ еще иного рода затрудненіе, встречаемое западнымъ писателемъ при его попыткѣ уразумѣть истинное значеніе индусской философіи, если ему не удалось вообще понять *духъ* индусской мысли. Мы здѣсь говоримъ о «внутреннихъ ученіяхъ», которыя имѣются во всѣхъ восточныхъ системахъ. Восточный умъ работаетъ по совершенно инымъ психологическимъ линіямъ, чѣмъ умъ западнаго человѣка. На Западѣ импульсомъ служить желаніе провозгласить и опубликовать все до послѣдней мелочи въ области результатовъ мысли, касающихся даннаго предмета; иногда это случается раньше, чѣмъ бываетъ обезпечено принятіе данныхъ идей главными авторитетами, работающими въ той же области. На Востокѣ же господствуетъ склонность діаметрально противоположная. Тамъ мудрецъ способенъ приберечь для самаго себя и тѣснаго кружка своихъ учениковъ и послѣдователей самую суть своей идеи, считая ее слишкомъ важною для того, чтобы распространять ее безъ разбора передъ вѣтреною и легкомысленною публикою. Сверхъ того, на Западѣ философское міросозерцаніе человѣка считается чисто интеллектуальною его принадлежностью, и отъ человѣка вовсе не ожидаютъ, чтобы онъ жилъ соотвѣтственно со своей философіей, съ провозглашаемыми имъ взглядами.—Между тѣмъ на Востокѣ философъ принимаетъ свои ученія гораздо болѣе серьезно и точно такъ же дѣлаетъ публика. Отъ философа ожидаютъ, чтобы онъ проводилъ свои ученія въ повседневной жизни, и иначе, если онъ не дѣлаетъ этого, считаютъ лицемѣромъ. Поэтому-то восточный мудрецъ и сохраняетъ для себя внутренній смыслъ своихъ ученій, пока не чувствуетъ себя способнымъ жить согласно съ ними и проявлять ихъ въ своей жизни. А что вѣрно относительно одного индивидуума, одинаково вѣрно относительно большой группы мыслителей,

инстинктивно сохраняющих для немногих внутреннее учение своей философии, считая почти святотатством разглашение эзотерических истин между теми, кто не доказал своего благородства и чистоты мотивов.

Кроме того, в индусской философии всегда существовали и существуют отдельные системы эзотерических учений, которые молчаливо принимаются и признаются всеми изучающими философию, но которые открыто не преподаются. Эти основные истины глубоко запечатлены в сознании индуса и усваиваются им почти с молоком матери. Английский же исследователь, не находя в книгах ясного и обстоятельного изложения этих основных истин, склонен игнорировать их, а, следовательно, не способен и понять надлежащий смысл известных второстепенных истин и идей, вытекающих из этих основных концепций. Это очевидно для всякого, кто схватил внутренний смысл индусского мирозерцания и кто способен различить общий базис у теорий по внешности противоречивых и находящихся в разногласии школ. И даже, читая статьи и книги, написанные западными писателями, представляющими различные школы, как нечто диаметрально противоположное друг другу, и не имея никакого общего базиса и почвы для взаимного соглашения, он и здесь не будет введен в заблуждение. Истина заключается в том, что *все разнообразия индусских мирозерцаний и религий представляют лишь различные отпрыски из одного общего ствола и корня*. Человек, который открывает коренную мысль, затем уже способен проследить все тонкие различия толкований и доктрин и примирить для себя их разницу, рассматривая их с точки зрения их общего происхождения. Тогда как западный читатель, который не способен различить общий ствол и корень всей системы индусской философии, запутывается в массе противоречий, в которых для него не видно соотношения и гармонии. В этой книге мы надеемся изложить предмет таким образом, чтобы читатель мог видеть эти общие ствол и корень, а затем, чтобы он мог проследить расходящиеся ветви от точки видимого их расхождения до самых концов; или и наоборот, чтобы он был в состоянии следовать назад по пройденному мыслю пути от крайней его точки до точки, где этот путь отделяется от общего ствола.

Если вышеустановленные положения касательно затруднительности правильного понимания и истолкования индусской философии правильны, то что следует сказать о попытке западного ума понять и истолковать индусские религиозные системы во всех их разветвлениях, наименованиях и подразделениях вплоть до самого тонкого, едва заметного различия. Для среднего западного ума индусские религии есть нечто чрезвычайно запутанное, беспорядочное, повидимому, построенное на неустойчивом фундаменте, и страдающее отсутствием связности и разумного общего основания. Западный ум с одной стороны встречается с высшими духовными учениями и самой утонченной, мудрой философией, унаследованной от величайших умов древней Индии; а с другой стороны наблюдает грубейшее суеверие и легковерие, сопутствуемые нелпышными формами обрядовой бессмыслицы и деятельностью жадного и тиранического класса жрецов и священников. С одной стороны он видит самые высшие духовные концепции и самую суровую, аскетическую жизнь, а с другой стороны он видит проявление того, что кажется ему грубейшими формами фаллического культа и возмутительнейшими проявлениями безнравственности и безстыдства. Могут ли подобные вещи иметь общее происхождение? Может ли быть какая-нибудь связь между высшими и низшими формами?—Исследователь забывает, что в истории всех религий наблюдались крайности и противоречия, но обыкновенно они отделяются целыми периодами во времени и целыми эрами в мысли; тогда как в Индии они существуют одновременно и почти рядом.

Затем, западный исследователь видит высший образ религиозной философии, преподаваемой в некоторых более возвышенных толкованиях Веданты, да еще которой никакой человеческий ум не отважился углубиться, столь тонки и эфирны ее концепции. Истину там неотступно преследуют, пока она,

наконецъ, не расплывется въ такой трансцендентальной неопредѣленности, до которой проводить ее можетъ только умъ, воспитанный на высшихъ философскихъ методахъ. И въ противоположность Ведантѣ западный наблюдатель видитъ то, что представляется ему грубѣйшею формою идолопоклонства, унижительнымъ легковѣріемъ и суевѣріемъ, почти формой поклоненія дьяволу и фетишизмомъ. И онъ совершенно правъ, когда спрашиваетъ, можетъ ли существовать какой-либо общій корень и общее происхожденіе для столь противоположныхъ высокихъ идей и низкихъ культовъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что западный міръ, слыша рассказы миссіонеровъ и путешественниковъ, а затѣмъ знакомясь съ возвышенными ученіями въ Ведахъ и Упанишадахъ, не въ состояніи понять въ этомъ что-либо и думаетъ, что Индія, это какой-то кошмаръ въ области религіозно-философскихъ блужданій и исканій. А когда къ этому прибавляются рассказы о чудесахъ индійскихъ факировъ и о магіи, это еще болѣе затрудняетъ пониманіе Индіи, и затрудненіе не дѣлается меньше, когда онъ слышитъ заявленія, индусскихъ учителей, что эти «чудеса» совершаются не высоко-религіозными людьми и не путемъ духовныхъ методовъ, но что, наоборотъ, они являются результатомъ нѣкоторыхъ манипуляцій въ области «психизма», доступныхъ каждому, кто захочетъ изучить данный предметъ; и часто совершаемыхъ людьми совершенно не духовными и не обладающими ни моральными, ни религіозными достоинствами и нерѣдко несвѣдущими, даже въ самыхъ началахъ философіи. Все это кажется въ высшей степени запутаннымъ для западнаго ума, но мы надѣемся отчасти освѣтить темныя стороны этого предмета.

Объясненіе преобладанія низшихъ формъ фетишизма, суевѣрія и религіознаго упадка, рядомъ съ высшими формами религіознаго и философскаго познанія и ученія, можно найти во всей умственной атмосферѣ Индіи и въ исторіи мысли въ этой странѣ. Нужно помнить, что въ теченіе безчисленныхъ столѣтій умъ индуса отдавалъ себя исключительно изслѣдованію «другой стороны жизни» съ такой степенью напряженности и интенсивности, что это не можетъ даже вообразить себѣ западный умъ. Въ то время, какъ современныя страны запада, въ лицѣ энергичныхъ піонеровъ разнообразной дѣятельности, подвигались впередъ и достигали матеріальнаго благосостоянія и прогресса, Индія покоилась недвижимо, предаваясь мечтамъ о томъ, что скрывается за этимъ матеріальнымъ міромъ и что лежитъ ниже и выше физическаго существованія. Для индускаго ума физическій и матеріальный міръ есть болѣе или менѣе иллюзія, такъ какъ онъ исчезаетъ почти въ моментъ своего образованія и такимъ образомъ есть явленіе какъ бы одного момента, тогда какъ духовный міръ есть міръ реальный, къ которому поэтому умъ человѣка можетъ быть обращенъ самымъ естественнымъ образомъ. Имѣйте въ виду, что мы просто указываемъ на фактъ и на существующія условія, чтобы вы могли понять ихъ, а совсѣмъ не настаиваемъ на истинности приведенной идеи, потому что, говоря откровенно, мы считаемъ общее направленіе индускаго ума настолько же «одностороннимъ», какъ и направленіе западнаго ума. Первый, то есть индусскій умъ, поглощенъ стороною «Я есмь» и забываетъ о сторонѣ «Я дѣлаю». Второй, т. е. западный умъ, цѣликомъ зависитъ отъ стороны «Я дѣлаю» и почти совершенно забываетъ о сторонѣ «Я есмь». Одинъ разсматриваетъ бытіе и забываетъ о дѣйствіи; другой разсматриваетъ дѣйствіе, какъ главную вещь, и забываетъ жизненную важность существованія «Я». Для западнаго міра физическое является доминирующей фазой, для востока главенство принадлежитъ—метафизическому. Мыслящіе люди Востока и Запада одинаково ясно видятъ, что въ будущемъ наиболѣе яркіе результаты прогресса должны получиться отъ соединенія методовъ двухъ цивилизацій. Активность Запада должна быть прибавлена къ созерцательности Востока, что вдохнетъ такимъ образомъ новую энергію въ жизнь древнихъ странъ. А въ то же время къ западной активности должна быть прибавлена духовность и «знаніе души» востока, для того, чтобы былъ нейтрализованъ необузданный матеріализмъ и установлено правильное равновѣсіе между стремленіями къ внутреннему и къ внѣшнему. И внимательные наблюдатели уже

видять оближеніє востока и запада и открываютъ въ готовности востока заимствовать западную активность и въ жаждѣ запада достигнуть знанія души и постигнуть то, «что лежитъ въ основѣ жизни вселенной»,—указаніе на удивительное будущее земного міра, востока и запада вмѣстѣ.

Народы Индіи отдѣлены лишь тонкою завѣсою отъ «другой стороны жизни». Каждый, кто поселился въ Индіи, и кто позволяетъ себѣ почувствовать токъ мысли и жизни, проявляющійся тамъ, скоро замѣтитъ и пойметъ, что существуетъ огромная психологическая разница между древней страной Ганга и западнымъ міромъ. Эта разница заключается «въ самомъ воздухѣ» Индіи и никто не можетъ жить тамъ, не почувствовавъ его тонкаго дѣйствія и вліянія. Никакой западный человѣкъ не можетъ прожить въ Индіи пять-шесть лѣтъ и вернуться затѣмъ домой совершенно такимъ же, какимъ онъ былъ раньше. Поживъ въ Индіи, онъ никогда уже больше не потеряетъ смутное и туманное чувство Чего-то живого, находящагося въ воздухѣ и вокругъ него. Какимъ бы онъ ни былъ матеріалистомъ и съ какой бы презрительной насмѣшкой онъ не относился къ своему собственному чувству, онъ все-таки будетъ чувствовать нѣчто вокругъ себя,—онъ заразился психическою атмосферою Индіи.

Этотъ фактъ ментальнаго и психическаго воздѣйствія атмосферы въ странѣ индусовъ имѣетъ свои хорошія и дурныя послѣдствія. Точно такъ же, какъ богатая почва тропическихъ странъ, подъ палящимъ солнцемъ и благодаря другимъ вліяніямъ природы, создаетъ пышную растительность, полезную человѣку—обиліе цвѣтовъ и плодовъ, такъ та же самая почва, благодаря тѣмъ же самымъ условіямъ создаетъ невѣроятное богатство вредной растительности, чужеродныхъ растений и сорныхъ травъ—поэтому плодородныя поля Индіи являются такимъ контрастомъ съ дикими зарослями джунгли, лежащими рядомъ съ ними. И, однако, и плодородныя поля, и дикія заросли создаются на одной и той же почвѣ, подъ однимъ и тѣмъ же солнцемъ, одними и тѣми же атмосферическими условіями. И затѣмъ это же удивительное солнце тропическихъ и подтропическихъ странъ, стремясь вызывать поразительную растительность и создавать удивительныя жатвы, временами, при извѣстныхъ условіяхъ, сжигаетъ зерновые хлѣба, высушиваетъ плоды и уничтожаетъ всякую производительность почвы ужасной и мертвой засухой, въ результатъ которой мрачный голодъ распространяется и царитъ въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ собирались обильныя жатвы. И тогда тысячи людей погибаютъ отъ голода, вмѣсто того, чтобы кормиться изъ рукъ природы. И то, что случается на физической плоскости, въ Индіи происходитъ и на ментальной и духовной плоскости. Почва, такъ богатая для развитія ума, снабженная всѣмъ необходимымъ для духовнаго роста, озаренная солнцемъ высшаго духовнаго знанія, становится также пригоднымъ полемъ для зловреднаго развитія суевѣрія и легковѣрія; для поклоненія дьяволу и ужаснаго упадка мысли и нравовъ. И опять, какъ солнце создаетъ роскошныя жатвы въ одномъ мѣстѣ и мертвящую засуху въ другомъ, такъ и богатое духовное развитіе Индіи оттѣняется темными сторонами выродившихся ученій среди того же самаго народа.

Индія есть страна замѣчательныхъ духовныхъ контрастовъ; высшее и низшее могутъ тамъ находиться совсѣмъ рядомъ. Но для людей, способныхъ заглянуть дальше внѣшности въ самую суть дѣла, очевидно, что всѣ низкія формы религіи въ Индіи всегда оказываются лишь *выродившимися и искаженными сторонами* истинныхъ религіозныхъ ученій индусовъ. Подобно тому, какъ люди могутъ вырождаться нравственно, умственно и физически, такъ они могутъ вырождаться и духовно. Въ западныхъ центрахъ цивилизаціи встрѣчаются иногда люди-чудовища, совершающіе дѣянія болѣе дикія, чѣмъ тѣ, на какія способны самые невѣжественные дикари; попадаютъ тамъ и люди извѣстнаго интеллекта, оказывающіеся виновными въ дѣяніяхъ, на какія и лютый звѣрь не способенъ. Подобнымъ же образомъ находимъ и въ Индіи такіе низшіе, невѣжественные классы народа, которые такъ далеко отпали отъ возвышенныхъ духовныхъ ученій ихъ расы, что по всей духовности они ниже невѣжественныхъ дикарей, не имѣющихъ никакой религіи. Чѣмъ больше высота, тѣмъ ужаснѣе паденіе; чѣмъ дальше размахъ маятника